

Михаил Кром: Политический строй средневекового Новгорода — возможности сравнительного анализа

Mikhail Krom (European University at Saint Petersburg, Russia): The political system of medieval Novgorod — the possibilities of comparative analysis

DOI: 10.31857/S2949124X24060039, EDN: RNAINC

Новая книга Павла Владимировича Лукина — заметное явление в историографии средневекового Новгорода и удачный опыт исторической компаративистики. Ранее мне уже представился случай поделиться мнением об этой работе²⁸, а нынешнюю дискуссию я рассматриваю как повод для подробного обсуждения продемонстрированных автором монографии возможностей сравнительного метода в изучении средневековых городов на западе и востоке Европы.

М. Блок рекомендовал коллегам-медиевистам сравнивать соседние, максимально близкие друг другу общества²⁹. Между средневековой Венецией и Великим Новгородом не существовало прямых дипломатических или коммерческих связей: всю европейскую торговлю Новгорода прочно держали в руках ганзейские купцы. Тем не менее в данном случае сравнение далёких друг от друга городов оказывается не только возможным, но и вполне плодотворным. Секрет успеха — в удачно найденном связующем звене, т.е. процессе или явлении, присущем обоим обществам. Компаративисты называют его *tertium comparationis* («третий элемент сравнения») ³⁰. В книге Лукина роль связующего звена играет модель городской коммуны на раннем этапе её развития. В разных странах этот этап пришёлся на разные периоды, поэтому неудивительно, что в обсуждаемой работе политические институты Новгорода эпохи его независимости (до конца XV в.) сопоставляются с политическим строем Венеции IX — начала XIII в.

В новейшей историографии подобный — синхростадиальный — подход успешно применён в книге А.А. Вовина, который провёл параллели между политическими структурами Пскова XIV—XV вв. и ранними коммунами Северной и Центральной Италии XI—XII вв. (Генуей, Миланом, Луккой, Пизой и др.)³¹. Но если Вовин ориентировался на некий собирательный образ ранней коммуны, цитируя источники, относящиеся к истории десятка итальянских городов, то Лукин привлёк для сравнения с Новгородом исключительно венецианский материал.

Между тем в литературе существует давняя, восходящая к М. Веберу традиция отрицания коммунальной фазы в истории русского города. Скептики (в частности, Л. Штайндорф) указывают на отсутствие на Руси самого понятия коммуны. Не было, продолжают они, и особой категории горожан, полноправных членов городской общины, выделяемых из общей массы населения города³². Однако на проверку оказывается, что и ранняя итальянская коммуна ещё не знала чётких юридических категорий и устоявшихся терминов. Приведённый Лукиным венецианский материал свидетельствует, что в течение не-

²⁸ Кром М.М. Удачный опыт сравнения средневековых городских коммун // Одиссей. Человек в истории. 2022. М., 2022. С. 392–397.

²⁹ Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 68.

³⁰ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015. С. 149, 159.

³¹ Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV — начало XVI в. СПб., 2019.

³² Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.). СПб., 2012. С. 238–240.

скольких столетий для описания жителей города на островах лагуны использовались расплывчатые термины, такие как «народ Венеции» и «венецианцы». Что же касается «коммуны», то это понятие возникло там только в середине XII в. В новгородских источниках ту же семантическую функцию — указания на единство городского сообщества — с успехом выполняли словосочетания «весь Новгород» или «все новгородцы».

Народные собрания — ключевой политический институт ранней коммуны — обозначались в Венеции латинскими терминами *placitum* и *contio*, позднее — *arengum* (итал. *arengo*), а могли (особенно на первых порах) и никак не обозначаться: просто сообщалось об одобрении «народом» того или иного решения. Ни состав, ни сфера компетенции подобных собраний не были каким-либо образом определены. Та же ситуация обнаруживается в Великом Новгороде: по наблюдениям Лукина, слово «вече» начинает регулярно употребляться в официальных документах только в XV в.; ранее оно встречается в источниках нечасто, и порой только по контексту можно понять, что летописные фразы типа «начаша новгородцы гадати» или «почаша молвити» указывают на собрания, завершившиеся принятием решений (с. 70–71). Вывод об однотипности новгородского вечевого строя и ранней венецианской коммуны имеет самостоятельную научную ценность, обозначая новый этап многолетней дискуссии. Но обычно в компаративистике констатация сходства изучаемых явлений служит лишь отправной точкой (и необходимым условием!) дальнейшего сравнительного исследования. Различия и контрасты не менее важны, чем общие черты.

Главная сенсация ожидает читателя во второй главе, посвящённой конфликтам, которые постоянно сопровождали народные собрания в Новгороде и Венеции. Для историка, воспитанного в отечественной традиции преклонения перед народной стихией, непривычно читать о том, что оборотной стороной средневековой городской «демократии» была постоянная политическая нестабильность, но именно такой вывод следует из изучения и новгородских, и венецианских источников. Более того, Венеция выглядит как альтернатива тому пути исторического развития, по которому в итоге пошёл Великий Новгород: венецианцы сумели сначала ограничить, а потом и вовсе свести на нет властные полномочия народных собраний, в Новгороде же до самого конца его независимости, как показал Лукин, вече сохраняло роль главного органа городской власти, оставаясь при этом эпицентром внутренних раздоров.

Общая перспектива в основных чертах обрисована исследователем, на мой взгляд, верно, но некоторые аспекты нуждаются в уточнении. Трансформация ранней венецианской коммуны подробно прослежена до второй половины XIII в., когда народные собрания уступили место регулярно заседавшим Большому и Малому советам, а сам созыв сходок типа *arengo* был официально признан нежелательным. Но активное строительство государственных институтов продолжилось и в следующем столетии. Более того, может возникнуть впечатление, будто лишение народного собрания (*arengo*) властных функций сразу решило проблему политической нестабильности. Это впечатление, однако, обманчиво. Угроза республике святого Марка исходила не только снизу, со стороны бунтующей черни, но и сверху, со стороны дожа, которого подозревали (порой не без оснований) в намерении установить тиранию. Представляли опасность также неудовлетворённые амбиции некоторых представителей старой аристократии и соперничество между могущественными кланами. Характерно, что первые полвека, прошедшие с момента так называемого закрытия Большого сове-

та (1297) — события, которое если не фактически, то символически завершило процесс сосредоточения всей полноты власти в руках патрицианской элиты, — оказались очень тревожными: вслед за заговором Марино Бокконио (1300) удалось раскрыть ещё более грозный заговор Тьеполо-Кверини (1310), а в 1355 г. пресечь попытку государственного переворота, в котором участвовал сам тогдашний дож — Марино Фальер³³. Показательно, однако, что меры, принятые Венецианской республикой для предотвращения подобных угроз, носили институциональный характер: в частности, сразу после раскрытия заговора Тьеполо-Кверини был создан Совет десяти (поначалу — временный орган, спустя четверть века ставший постоянным), наделённый чрезвычайными полномочиями. Именно энергичные действия этого совета в 1355 г. позволили быстро раскрыть заговор сторонников дожа Фальера, и попытка переворота провалилась³⁴.

Таким образом, дело не в абстрактных преимуществах одной формы правления (олигархии) перед другой (демократией), а в том, что венецианцы путём последовательно проведённых реформ сумели создать сложную и эффективную систему управления, обеспечившую Республике внутреннюю стабильность. Ничего похожего мы не видим в Новгороде, где до конца республиканской эпохи так и не были проведены радикальные институциональные реформы. Какой-то неформальный совет из влиятельных лиц (в переписке ганзейских купцов они именуются «господами» — *heren*) в городе, по-видимому, существовал, но он не получил официального статуса (с. 171–176).

Столь разительный контраст между наблюдаемым с XII в. бурным ростом венецианских политических институтов и «косностью» Новгорода, словно застрявшего на стадии «вечевой демократии», нуждается в объяснении. Лукин благоразумно уклонился от постановки такого трудноразрешимого вопроса, ограничившись беглым замечанием о влиянии римского права и «вообще римской политико-правовой ментальности» на быстрый рост политических институтов в Венеции (с. 152). Действительно, влияние римского права (и античного наследия в целом), а также практики управления, сложившиеся в католической Церкви и при дворах светских государей, и успехи венецианской морской торговли — любой из этих факторов или все они вместе могли способствовать динамизму политической жизни республики святого Марка. К сожалению, в поиске причин компаративистика ничем историку помочь не может: чтобы сфокусироваться на выбранной линии сравнения, ему приходится абстрагироваться от многих контекстов изучаемого явления.

Та же проблема, но уже в идеологической плоскости, возникает в третьей, заключительной главе книги, в которой анализируются мифы о происхождении обоих городов и их первых правителей (предания о Гостомысле и Паолуччо Анафесто, варяжская и троянская легенды), сравниваются культы св. Марка и св. Софии. В итоге Лукин приходит к выводу, что в Новгороде в отличие от Венеции республиканская идеология не получила полного развития. В качестве объяснения отмеченного факта исследователь указывает на два обстоятельства: признание новгородцами себя со второй половины XIII в. отчиной великих князей владимирских (и неготовность полностью порвать связи с Москвой), а также нехватку исторического времени (с. 210–212, 241, 245).

В ранее опубликованной рецензии я обращал внимание на спорность первого тезиса³⁵, особенно — в свете опыта итальянских городов, вынужденных

³³ Норвич Дж. История Венецианской республики. М., 2010. С. 249, 257–261, 299–303.

³⁴ Там же. С. 264–267, 301–302.

³⁵ Кром М.М. Удачный опыт сравнения... С. 396.

в течение столетий лавировать между папой и императором (только Венеция, чувствуя себя в относительной безопасности благодаря островному положению, была избавлена от этой необходимости). Во многих из них боролись между собой группировки гвельфов и гибеллинов, подобно тому, как в Новгороде XV в. соперничали московская и литовская «партии». Пока император оставался далеко за Альпами, он казался неопасным для городских свобод, и некоторые итальянские политики, включая Данте, связывали с идеализированной фигурой монарха определённые надежды. Впоследствии это не помешало итальянским гуманистам создать яркие образцы республиканской идеологии.

Неясно также, что Лукин применительно к Великому Новгороду понимает под «нехваткой исторического времени»: Новгородская республика просуществовала более трёх столетий — срок, казалось бы, немалый! Но, если исследователь имеет в виду, что новгородцы с большим запозданием приступили к идеологическому обоснованию своей независимости — ведь знаменитая формула «Господин господарь Великий Новгород» появилась в источниках только в 1468 г. (с. 233), в разгар решающего противостояния с Москвой, — то с такой интерпретацией событий, в принципе, можно согласиться.

Исчерпывают ли рассмотренные в книге сюжеты всё многообразие сопоставлений, возможных в рамках темы «Новгород и Венеция»? Разумеется, нет. Сам автор предупреждает об этом читателя во введении (с. 15), и о том же свидетельствует избранная им форма очерков. Одна лакуна вполне очевидна: в монографии не хватает сравнительного очерка военной организации Венеции и Новгорода; при этом исследователь признаёт непосредственную связь того факта, что основой новгородского войска вплоть до поражения на Шелони в 1471 г. оставалось ополчение горожан, с сохранением веча как ведущего политического института (с. 251, примеч. 11).

Но то, что удалось сделать автору книги, заслуживает самой высокой оценки. В полной мере раскрылась способность сравнения высвечивать ранее незамеченные или недооценённые стороны явлений. Это, прежде всего, относится к вечевому строю Новгорода, недостатки которого в виде постоянной турбулентности, частых вспышек насилия получили наконец адекватную оценку. Но и динамика развития политических институтов, роль идеологии, исторических мифов, религиозных культов и ритуалов в становлении городской идентичности и обосновании независимости Господина Великого Новгорода, — всё это также предстаёт в новом свете, отражаясь в «зеркале» венецианского опыта.

Остаётся отметить, что, помимо Венеции, сравнение с которой оказалось столь плодотворным, есть немало других городов, которые могли бы составить «пару» Великому Новгороду в компаративном исследовании. Среди них — иные итальянские коммуны, Дубровник, «вольные» имперские города Германии³⁶. Хочется надеяться, что сравнительно-историческое изучение Великого Новгорода будет продолжено, и успех обсуждаемой книги П.В. Лукина внушает в этом отношении некоторый оптимизм.

³⁶ Попытки такого рода сопоставлений уже предпринимались, но не носили систематического характера. Х. Бирнбаум посвятил краткий сравнительно-исторический очерк Новгороду и Дубровнику (*Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and Their Civilization. A Comparative Sketch. Zagreb, 1989*); П.В. Лукин оценивает его как «довольно поверхностный» (с. 22, примеч. 25). Параллели между Новгородом и «вольными» городами Венгрии и Германии (правда, без развёрнутого обоснования) можно найти в книге: *Севастьянова О.В. Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 54.*